

“Сегодня — «Белая гвардия»...”

Из истории постановок пьесы М.А.Булгакова
на русской зарубежной сцене

Окончание. Начало в “РМ” №4167.

Судя по печатным откликам, спектакль и в самом деле приворожил зрителей, всякий раз до отказа заполнявших театральный зал. Они ощущали себя в машине времени, соблазняющей искусом заново пережить былое и попытаться переиграть личную и национальную судьбу. Эти чувства подчас усугублялись неожиданными переходами сценической интриги в зрительный зал. Такой опыт, например, пережила некая Валентина Николаевна Гребенщикова, историю которой поведал один из репортеров:

“В 1917 году, на фронте без вести пропал ее муж. Пошел в атаку и не вернулся. Солдаты рассказали, как под самыми немецкими окопами Гребенщиков взмахнул руками и свалился на землю... Больше его никто не видел... Штабс-капитан Гребенщиков был внесен в списки без вести пропавших... Жена его, считавшая себя вдовой, стала сестрой милосердия. Революция, гражданская война, Крым, эвакуация... Начался крестный ход молодой женщины: служба в константинопольском ресторане кафешантанного пошиба, переезд в Берлин, потом в Париж. Тяжкий труд, скудные заработки, вечная борьба за существование... Три года назад счастье ей, наконец, улыбнулось: Валентина Николаевна встретила человека, который полюбил ее всей душой. В газетах появилось объявление епархиального управления о розысках находящегося в безвестном отсутствии Гребенщикова... На объявление никто не откликнулся. Валентина Николаевна получила развод и вышла вторично замуж. Жить стало легче... На прошлой неделе с мужем она отправилась в театр пражан на “Дни Турбиных”. В антракте кто-то положил ей руку на плечо: — Валя... Ты здесь?... Жива...”

Перед ней стоял “живой труп” — без вести пропавший Гребенщиков. Валентина Николаевна едва не потеряла сознание. Втроем вышли на улицу.

— Слушай... Я искала тебя десять лет. Была уверена, что ты убит... Получила развод... И теперь... теперь я замужем... Вот... Познакомьтесь, господа...

Мужья познакомились. Гребенщиков рассказал свою одиссею. Он был ранен. Немцы подобрали его, вывели и продержали в плену до конца войны. Он писал в Россию по старому адресу, но ответа не получил. Был убежден, что жена погибла от голода или расстреляна. Делать ему было нечего, — он уехал в колонию, провел там несколько лет... И вот — такая встреча!.. Наступило молчание.

— Что же теперь будет? Слушай — мы отыски друг от друга... Старого не воротишь. А я люблю моего мужа...

Гребенщиков постоял несколько мгновений молча, потом пожал им руки и ушел в сторону площади Клиши. Он исчез так же неожиданно, как появился. На этот раз — навсегда” (“Иллюстрированная Россия”, 24 окт. 1931, №44).

Неудивительно, что спектакль “пражан” привлек внимание профессионалов театра. Маститый С.Волконский прежде всего оценил художественные достоинства пьесы и ее сценическое воплощение.

“Не берусь сказать, сама ли пьеса затрагивает нас или предметы и вопросы и воспоминания, которые она затрагивает, в свою очередь затрагивают и нас, но в одном не сомнеюсь — игра нас потрясла. Не хочу этим снять всякую ответственность за

впечатления с автора. В нем одно очень важное достоинство — чувство меры. Этот ужин в доме братьев Турбиных, во время которого все перебирается памятью этих пяти-шести человек — все ужасы, все непоправимые ошибки, все мерзости и все героичества, где самые глуже-символические имена — Троцкий, Николай — переходят из уст в уста, встречаясь со звоном чокающихся стаканов, — этот ужин, топящий это самое все в беспомощности пьяной попойки, — это есть в своем роде совершенство. Но и огромно умение исполнителей. Если свежесть и чувства, и мысли, и намеки потрясающи, то и переходы настроеня в настроение — от трезвости к пьяности, от лжи к правде, от утайки к искренности — бесподобны. Так хорошо было, что даже не смеешь выделить единичную игру из общей” (“Последние новости”, 7 окт. 1931).

На пьесу отозвался и А.Куприн, призвавший в специальном обращении всех русских парижан прийти на благотворительный спектакль, устроенный для сбора средств больным и нуждающимся студентам:

“Пьеса Булгакова имеет повсюду громадный и заслуженный успех. Мы не сомневаемся в том, что театральный зал будет весь, сверху донизу плотно занят чуткой и отзывчивой русской публикой. <...> Всем нам давно знакомы и сладко памяты те разнообразные, широкие, сильные и чистые впечатления, которые овладевают зрителем, когда он поздним вечером возвращается домой после умной и трогательной, настоящей русской пьесы, взволновавшей его нервы и насытившей его душу. Вечером 26 октября к этим славным чувствам присоединится светлое и легкое чувство долга, так просто, свободно и приятно исполненного перед будущей восстановленной и здоровой Россией” (“Возрождение”, 22 окт. 1931).

Гастроли “пражан” привлекли внимание многих знаменитостей. 16 октября, например, Союз деятелей русского искусства устроил специальный вечер в честь актеров, приветствовать которых собрался цвет эмиграции — Ф.Шаляпин, С.Рахманинов, И.Билибин, А.Бенуа, Б.Зайцев, Н.Евреинов, С.Волконский, П.Милюков, В.Маклаков и др.

Однако успех гастролей имел и еще один, немаловажный для театра материальный аспект, гарантировавший жизнь самому театру. Журналисты с удовлетворением отмечали, что “гастроли пражан продолжают делать полные сборы. Особым успехом пользуется «Белая гвардия», идущая почти всегда с аншлагом. <...> Успех гастролей побудил руководителей продлить их еще на неделю. Спектакли будут идти до 1 ноября”. Более того, самые дотошные из них не упустили случая сообщить читателям об их финансовых итогах: меньше чем за месяц “пражане” сыграли 32 спектакля (тринадцать раз из них шли “Дни Турбиных”). Было продано 28 тыс. билетов, а общий сбор театральных кассы составил 262 тыс. франков — абсолютный рекорд для русского театра в Париже.

О существовании сценического двойника своей пьесы был осведомлен и сам автор, нигде, впрочем, публично не выразивший к этому своего отношения. Одним из его информаторов был, например, Е.И.Замятин, побывавший на спектакле во время летнего отдыха в Ницце и передавший в письме Булгакову в ноябре 1933 года свое субъективное мнение: “Летом видел здесь «Турбиных» одного из неизвестных Вам молверов в исполнении так называемой «пражской группы». За исключением превосходного Мышлаевского — все остальные... Вы бы не досидели до конца”.

Вопреки обычной практике русского зарубежного театра “Белая гвардия” сохранялась в репертуаре “пражан” несколько лет, выдержав в общей сложности около ста представлений. Ее последние представления состоялись зимой 1935 года, во время гастролей Пражской группы МХТ, которую возглавлял тогда М.Чехов, по городам восточного побережья США.

Из множества печатных откликов на постановку Пражской группы МХТ, пожалуй, один из самых интересных и глубоких принадлежит перу известной общественно-политической деятельницы Екатерины Дмитриевны Кусковой (1869-1958). 18 марта 1931 года в газете “Последние новости” был опубликован ее отзыв о спектакле — живая и страстная рефлексия современника, захваченного неподдельной жизненностью театрального представления. Ее статья достойна стать эпитафией этому забытому спектаклю, его героям и зрителям.

«Смотрим.... Вряд ли, однако, кто-нибудь следит за игрой, за художественным испол-

нении. Внимание приковано к другому. Перевертываются страницы русской истории. Огненные языки массового движения в разных его формах лижут уютную квартиру семьи Турбиных и жгут, расплавляют души ее обитателей. Обыкновенное, повседневное — в необычайном...

Слухи грозные, ужасные
Наступают на нас...
Слухи грозные, ужасные,
Наступают банды красные!..

Трень-брень... бречит, подлевая, на гитаре младший Турбин, Николай — Николка. Пушкин... Где?

“— Черт его знает. Впечатление такое, будто под Святошином стреляют...”

А квартира — уютная. Желтые занавески в красивых шторах, мягкая мебель, самовар, вино, карты... Нет уюта только в душах — все взбаламучено, каждую минуту декорация может измениться... Волнуются на сцене Турбины и их друзья... А зрители... вновь переживают пройденные этапы. Это — не просто представление. Скорее — спиритический сеанс: оживают призраки... Вот-вот стук в дверь, и воплотится в актера дух близкого, погибшего в кровавом сумраке тех дней... И не потому ли так жутко смотреть на сцену и в то же время так явственно ощущать, как заполоняет души зрителей страдальческая печаль?... Тени этой печали на лицах — призраки, призраки — перед каждым... Так ли воспринимали эту пьесу там, в Москве?

Было и еще одно ощущение. Мне кажется, лет пять тому назад эту пьесу в гуще эмиграции поставить было нельзя... Некоторые критики писали о Булгакове, авторе пьесы, что ему удалось схватить самый трагический момент русской истории без внесения какой-либо тенденции. Художественно претворить тогдашнюю действительность, сохраняя верность внутренней правде развивающихся событий. Едва ли это верно. Тенденция — несомненная. Она — в каждой сцене, в каждом жесте действующих лиц. Смысл ее — бессилие, жуткое бессилие белой гвардии...

“— Офицерия? Где офицерия? А де ж все ваши хлопцы?”

“Уси побиглы до Петлюры...” — отвечает поручику Мышлаевскому деревенский дед.

“— Побиглы до Петлюры? А вот я тебя сейчас пристрелю, так ты узнаешь, как до Петлюры бегают. Ты у меня сбегаешь в Царство Небесное, стерва”.

Ну, и дал дед лошадей белой гвардии, офицерне... И все так:

“Немцы побеждены”.

“Мы побеждены”.

Хлопцы — до Петлюры, русские мужики и рабочие — до Троцкого, до большевиков... Это — не тенденция? Или правда?

Надо биться Белой гвардии. И с Петлюрой, и с большевиками. Но... как биться? С какими силами?

“— Господин полковник, позвольте спросить...”

— Знаю-с, что вы хотите спросить. Можете не спрашивать. Я вам отвечу: погано-с. Бывает хуже, но редко. Теперь понятно?”

И потом... Что защищать? Пустоту?

— Приказываю господам офицерам и артиллеристам мортирного дивизиона слушать внимательно то, что я им скажу. За ночь в положении армии и, я бы сказал, в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения. Поэтому я объявляю вам, что дивизион распушен. Предлагаю каждому из вас снять всякие знаки отличия и, захватив здесь, в цейхгаузе, все, что каждый из вас пожелает и что он может унести на себе, разойтись по домам, скрыться в них, ничем себя не проявлять и ожидать нового вызова от меня”.

Скрыться Белому дивизиону? Отступать и отступать, все время сознавая неравенство в борьбе? Или это измена?

“Да, да, — говорит со сцены полковник, дергая щекой. — Да, да, хорош бы я был, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог. И вопрос: кого желаете защищать?”

Молчание.

“Кого желаете защищать, я спрашиваю?”

— Гетмана обязаны защищать.

— Гетмана? Отлично! Гетман сегодня ночью, около четырех утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал. Бежал, как последняя каналья и трус. Бежал и командующий нашей армией, генерал от кавалерии Белоручков”.

А со стены падает портрет Государя... И никто из офицеров — в суматохе и растерянности — не поднимает его... Что защищать им, монархистам? Пустоту? Нет, конечно, тенденцией пьеса пропитана насквозь. И какой тенденцией? Что защищать? Пустоту? Измену и трусость высших? Гетмана? Куклу, которую садят и затем увозят немцы? И с кем защищать? Хлопцы — до Петлюры. Народ? Где он — народ? С кем?

Призраки... Ходят по сцене актеры. Или не актеры? Воображение рисует картины прошлого... Верна ли тенденция пьесы исторически? На расстоянии протекших лет легче судить: сознание не так отравлено страстью, местью, страданием... А на сцене так ярко проведен основной мотив: надрыв душевный, нарастание безысходной тоски... Рушатся скрепы — семейные, общественные, государственные.

“— Вино принес! Елена! Елена! Красные идут. Петлюра отступает Ты слышишь? Ты слышишь? Сейчас будут город занимать... Таким образом здесь получится советская республика”.

Бречит гитара... Как странно приспособлены эти звуки для выражения тоски... Скорбь, печаль в тихой песне:

Уходят и поют
Юнкера гвардейской школы.
Их трубы и литавры,
Тарелки звенят...
Граждане и гражданки
Взором отчаянным вслед
Юнкерам уходящим глядят...

Бречит гитара... Бросаю тихо нервные слова...

“— Слушай, капитан. Ты упомянул слово «отечество». Какое же «отечество», когда Троцкий идет? Россия кончена...”

А Белая гвардия? Тихо поет Николка:

Была у нас Россия,
Великая держава...

Да, “художественники” играют прекрасно. Спиритический сеанс... Вызов духов прошлого. Призраки...

“— Сердца наши разбиты. Ничего, не унывай! Прошу, капитан, черт! У всех пики...”

“Да они нас все равно расстреляют”, — спокойно говорит капитан Студзинский.

“И отлично сделают, — вторит ему Мышлаевский. — Заберут нас в Чеку, по матери обложат и выведут в расход. И им спокойнее... Ну... и нам...”

Кажется, это никогда не кончится. Вот это повторение истории — со сцены... Но... Мыслимо ли было пять лет тому назад слышать бурные аплодисменты игре актеров в пьесе Михаила Булгакова? Здесь, в эмиграции?

Идут годы. Затягиваются раны. Закаливается души. Яснее сознание неотвратимой правды жизни. А, следовательно, яснее и контуры иной, новой борьбы...”

Г.Павлов в роли Мышлаевского.
Обложка еженедельника
“Иллюстрированная Россия”,
1931, №43.